

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С. Л. УТЧЕНКО

2 декабря 1985 г. в секторе древней истории Института всеобщей истории АН СССР состоялись ежегодные научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко. В них приняли участие историки институтов Академии наук СССР, МГУ им. М. В. Ломоносова, ВГИК и других научных учреждений и вузов.

Во вступительном слове зав. сектором древней истории *Е. С. Голубцова* говорила о большом вкладе С. Л. Утченко в изучение истории античного мира, особенно в изучение истории общественно-политической мысли.

Затем был сделан ряд научных докладов.

Доклад *Е. М. Штаерман* (Москва) был посвящен вкладу С. Л. Утченко в изучение проблем истории античной культуры. Она отметила, что С. Л. Утченко всегда уделял большое внимание вопросам идеологии. Уже в своей первой книге об идейно-политической борьбе в Риме накануне падения Республики он проследил шедшую в Риме борьбу между филэллинской и охранительной тенденциями, между идеологией, призывавшей к консолидации интересов всех граждан Рима, и идеологией, выдвигавшей на передний план интересы какого-то определенного общественного слоя. Считая, что наиболее ярким представителем первого направления был Цицерон, второго — Саллюстий, С. Л. Утченко детально проанализировал эволюцию их взглядов в связи с эволюцией политической обстановки в Риме, разложением полисных институтов и обострением классовой борьбы, показал значение и классовую сущность теории «упадка нравов» и политической концепции Саллюстия, и учения о смешанном государственном устройстве и «согласии сословий» в концепции Цицерона.

Докладчик считает большой заслугой С. Л. Утченко тонкий анализ кризиса идеологии социальных слоев, сложившихся на основе полиса, в связи с кризисом самого полиса. Вместе с тем его исследования показали, насколько живуча была полисная идеология и сложившаяся в условиях полиса система ценностей.

С особенной убедительностью продемонстрировал С. Л. Утченко плодотворность своих принципиальных установок в подходе к анализу деятельности и значения исторической личности в монографиях «Цицерон и его время» и «Юлий Цезарь».

В заключении своей последней книги «Политические учения древнего Рима» С. Л. Утченко пишет об эволюции римского общества «от полиса к империи, от гражданина к подданному», нашедшей отражение в идеологии. В этой работе проблемы идеологии рассматриваются в более широком плане. Центральное место в ней занимает история проникновения в Рим эллинистической культуры и ее трансформация под влиянием римского мировоззрения. В противоположность тем исследователям, кто видит в Риме лишь сторону, пассивно воспринимавшую эллинистическую культуру, С. Л. Утченко показал самобытность римской идеологии и культуры, подчеркнул вклад Рима в синкретическую античную культуру.

С сообщением на тему «Римская система ценностей в работах С. Л. Утченко и понятие престижности» выступил *Г. С. Кнабе* (Москва). Проблема общественных ценностей древнего Рима занимала С. Л. Утченко на протяжении всей его научной деятельности. Ей специально посвящена большая, разделенная на две публикации работа, напечатанная в ВДИ, № 4 за 1972 и 1973 гг. Докладчик попытался развить некоторые положения, высказанные в этих статьях.

Многочисленные суждения римских писателей о том, что мы сейчас называем «римской системой ценностей», не оставляют сомнения в том, что вплоть до II в. н. э. основа этой системы оставалась неизменной — такой, какой она сложилась в ранние периоды существования гражданской общины. Она включала признание долга перед Римом высшим долгом человека; реализацию его в военной доблести, магистратском служении и политическом красноречии; благоговейное уважение к традиции, предкам и заповедям консервативной морали; возделывание земли и умножение семейного достояния на этой основе.

Отличительная черта римского общественного мышления, однако, состояла в сочетании определенных констант, идеальных норм, противостоявших течению жизни, с постоянными коррективами к ним, продиктованными верностью этому течению жизни: «Древностью, — говорили они, — должно восхищаться, но сообразовываться приходится с нынешними условиями» (Tac., Hist. IV, 8, 2). В той мере, в какой гражданская община сохраняла в сознании римлян значение вечного эталона, ее ценности продолжали играть роль нормы; поскольку же она приходила в углубляющееся противоречие с реальным общественным развитием, ее нормам начинают следовать лишь лицемерно, напоказ — из реальных ценностей они все больше становятся престижными, т. е. условными канонами поведения. Под влиянием распатывания традиционных общественных структур, усиления вертикальной социальной подвижности, роста денежного богатства отдельных лиц в последние десятилетия республики и особенно в первые полтора столетия принципата римская система ценностей выступает в постоянном взаимодействии с системой престижных представлений и осложнена ею. Набор староримских *virtutes*, абстрактно оставаясь ценностью, в жизни становится ее престижным эрзацем, предметом стилизации. Престижное следование былым ценностям докладчик предложил называть престижностью I.

Рядом с престижностью I стояла престижность II. Дело в том, что независимо от консервативных стилизаций и рядом с ними утверждался стиль существования, отражавший крушение гражданской общины и ее норм. Он предполагал сверхпотребление и роскошь, насыщение жизни искусством, выражавшееся в приобретении и демонстрации баснословно дорогих статуй, кубков и чаш, предметов обстановки, предполагал влияние и власть, достигавшиеся в обход традиционных установлений. Этот стиль существования реально импонировал всем людям, жившим живой жизнью своего времени. Поскольку, однако, нормой, пусть абстрактной и наджизненной, деградировавшей до престижной стилизации, но тем не менее непреложной, оставалась совокупность представлений, коренившихся в гражданской общине, этот новый стиль тоже не мог возвыситься до подлинной новой системы ценностей, тоже оставался на уровне эрзаца ценности, тоже был не аксиологичен, а престижен, только особой, другой престижностью — престижностью II. Перед своим окончательным крушением римская система ценностей проходит стадию престижных эрзацев, взаимоисключающих и нераздельных, вместе образующих специфическую атмосферу, особый, превратный мир Ранней Римской империи I в. н. э.

В докладе *Н. Н. Трухиной* (Москва) «Римские консерваторы и эллинофилы II в. до н. э.» характеризуется общественно-культурная ситуация периода активного внедрения в Рим эллинистической цивилизации. Докладчик подвергает сомнению распространенный тезис о двух основных идеологических течениях этого времени — о «шартиях» врагов и друзей греческой культуры, представленных образами Катона Цензора и Спичиона Старшего. В качестве важнейшего общественного фактора выделяются патристические тенденции римской культуры, первые симптомы ее самоопределения, порождавшие своего рода соперничество латинских «учеников» с греческими «учителями». *Н. Н. Трухина* подчеркивает два момента: с одной стороны, мотивы, составляющие так называемую эллинофобию Катона, являются устойчивыми компонентами римской идеологии, прослеживаемыми через Цицерона до времен Тацита и Ювенала; их почвой была широкая социальная среда, из которой выдвигались неаристократические творцы латинской культуры — слой состоятельных землевладельческих фамилий италийских городов. С другой стороны, консервативные идеологические комплексы были присущи также лагерю признанных эллинофилов — глубоко образованных и знатных поклонников греческого гения. Докладчица считает, что в первой половине II в. до н. э. культурное римское общество разделялось не на противников и сторонников греческих

наук», но на «партии» старых и новых нравов, различаемые по их отношению к вульгарным и космополитическим формам иноземного влияния.

Л. Е. Семенов (Калинин), выступавший с докладом «О двух аспектах изучения культуры в трудах С. Л. Утченко» отметил, что С. Л. Утченко, как исследователь античной культуры проявлял деятельный интерес не только к ее конкретно-историческому изучению, но и осуществил постановку ряда вопросов теоретического характера. Он указал на oro-акустическую ориентацию полисной культуры классического периода, отметил наличие в античных политических представлениях двух различных традиций: мифо-поэтической и историко-философской. Наблюдения С. Л. Утченко имеют важное значение для исследования не только культуры позднереспубликанского Рима, но и античной идеологии в целом, в том числе идеологии христианского движения. Так, основанная на сочетании мифо-поэтического и понятийно-логического начал специфика христианского мышления способна дать ключ как к раскрытию гносеологических аспектов механизма «универсальности» христианства, так и к объяснению ряда существенных идейных противоречий в раннехристианской литературе (по вопросам об отношении к частной собственности, рабству, государству). Большую роль в дальнейшем изучении комплекса социальных воззрений раннего христианства играют полученные новейшей новозаветной критикой данные, позволяющие говорить, во-первых, о более ранней датировке отдельных христианских произведений и, во-вторых, о гетерогенности социальной базы христианства, включавшей и определенное число представителей ажиточных слоев. Новые наблюдения о наличии таковых в коринфской общине, сделанные А. Дж. Малербом, подтверждаются аналогичными выводами, полученными нами применительно к галатской общине.

Доклад *Н. М. Никулиной* (Москва) «Колонна как архитектурно-символический образ в искусстве Средиземноморья III—II тыс. до н. э.» был посвящен проблемам архитектуры трех важнейших регионов древнего мира (древнего Египта, Сиро-Финикии и Палестины, Эгейских центров). Предметом внимания докладчицы стала одна из форм древней архитектуры — колонна, в разных ее вариантах, распространенных на данных территориях; в докладе говорилось также о развитии архитектуры в названных областях в целом. Колонна рассматривалась не только как конструктивный элемент, но прежде всего как образ, рожденный определенным мировоззрением и художественным мировосприятием эпохи. Взаимосвязь между архитектурно-конструктивной формой и средой, духовной жизнью древнего общества, определилась в результате этого анализа более отчетливо и полно. Конструктивное, функциональное, как это было продемонстрировано в докладе, на определенном этапе, как правило, получало религиозно-символическое осмысление и толкование, рождало новый вариант архитектурного решения. Растительные колонны древнего Египта были первым шагом в развитии этой формы в истории мировой архитектуры; следующим этапом были разновидности растительной, зооморфной и антропоморфной колонны в Сиро-Финикии и Палестине и развивавшиеся параллельно с ними формы эгейских колонн (минойские и микенские). В заключении Н. М. Никулина коснулась и вопросов греческих ордерных систем, сложившихся во многом на основе достижений предшествующего периода. Основные ордерные системы греков (дорическая и ионийская) уже имели многое для своего развития не только в эгейской архитектуре, но и в архитектуре всего Средиземноморья II тыс. до н. э.

В. М. Смирин (Москва) выступил с докладом «О некоторых характерных чертах римского брака». Докладчик рассматривает эволюцию «законного брака» на фоне римской системы «гражданского» родства, антропонимии и наследования. Структурообразующим элементом этой строго патрилинейной системы оставалось положение детей во власти отца. Поэтому для жены — даже при браке с ее переходом в фамилию мужа — не находилось в ней собственного места. Оно парадоксальным образом уподоблялось «месту дочери» по отношению к мужу и «сестры» по отношению к детям. При браке «без перехода под власть» жена в фамилию мужа вообще не входила. Вся эволюция римского брака к пресловутому «свободному» касалась только положения жены (ее подвластности, имущественных прав, свободы развода) и не сказывалась на юридическом положении детей, в нем рожденных, т. е. именно на аспекте, непосредственно связанном с целью законного брака, в который мужчина вступал «ради рождения детей», продолжавших его фамилию и носивших его имя. Положение жены, всегда сохранявшей от-

цовское родовое имя, но рожавшей детей мужу, оставалось «пограничным» по отношению к фамилии¹ вне зависимости от формы брака. Это, по мнению докладчика, позволяет говорить о римском браке как о едином явлении, несмотря на его внешние метаморфозы.

Закрывая научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко, *Е. С. Голубцова* поблагодарила выступавших и отметила научный интерес всех заслушанных докладов.

¹ Каким оно было по отношению к роду в этруском обществе. См.: *Немировский А. И., Цымбурский В. Л.* Энгельс о римском роде и некоторые проблемы современной этрусологии.— ВДИ, 1984, № 3, с. 9—10.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРИЗИС III ВЕКА, ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ И ОТОБРАЖЕНИЕ В ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ»

(6—9 ноября 1984 г., Галле, ГДР)

6—9 ноября 1984 г. в г. Галле (ГДР) состоялась Международная конференция, посвященная кризису III в. в Римской империи и его отображению в идеологии и культуре. Конференция была организована Отделом древнего Востока и античности университета им. Мартина Лютера г. Галле. Она явилась продолжением Третьего коллоквиума по поздней античности, проходившего в 1982 г. в Лейпциге и посвященного идеологическому развитию в Римской империи в IV—V вв. В конференции приняли участие ученые 10 стран: СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Чехословакии, Австрии, Великобритании, Франции, ФРГ. Заслушано было 34 доклада. На пленарных заседаниях обсуждались вопросы социально-экономического развития Римской империи в III — начале IV в., ее социальной структуры, а также проблемы римской философии и религии, особенности развития римской историографии, литературы и искусства. На секционных заседаниях рассматривались проблемы эволюции римского права, особенности развития римских и греческих городов, эволюция войска, проблемы развития латинского и греческого языков; обсуждались изменения, происходившие в социальных слоях римского общества, а также роль спорта и отношение к нему в период поздней античности. Существенное внимание было уделено отображению процессов, связанных с кризисом III в., в сознании людей и искусстве того времени. Значительная часть докладов по этой тематике базировалась на анализе данных археологических раскопок, осуществляемых в различных регионах бывшей Римской империи и сопредельных с ней областей. В ряде докладов рассматривалась специфика развития Балкано-Дунайского региона в ходе кризиса III в. и в период временной стабилизации социально-экономического развития, имевшей место в начале IV в.

Конференция открылась докладом *Р. Гюнтера* (Лейпциг) «Социально-экономические отношения в Римской империи в III в.». Докладчик показал, что в основе кризиса III в. лежали разложение античного общественного строя, обострение всех социальных и классовых противоречий; из кризиса империя вышла значительно трансформированной, но она не стала ни феодальной, ни феодализирующейся — началась переходная эпоха, длившаяся до VI или даже VIII в., когда конституируется класс феодально-зависимых крестьян. По мнению Р. Гюнтера, рабство заменялось колонатом не потому, что труд колона был рентабельнее труда раба, а потому, что крупные хозяйства были автаркичны, мало связаны с рынком и не нуждались в квалифицированных, специализирующихся на отдельных видах работ рабах, производивших продукцию для рынка, а также потому, что с обеднением крестьян и развитием патроната эти хозяйства находили внутри общества рабочую силу. Колоны попадали во все большую зависимость, но они не представляли собой элемента феодализации, поскольку вписывались в общественный строй, базировавшийся на рабстве; если еще не юридически, то